

Наталья Станиславовна Зелезинская
Белорусский государственный университет, Минск

**ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИСТОРИКО-КОНТЕКСТУАЛЬНОГО МЕТОДА
В НАУЧНЫХ ТРУДАХ А. А. ГУГНИНА**

Аннотация. В статье, посвященной историко-контекстуальному методу как ведущему в литературоведческих работах доктора филологических наук, профессора Полоцкого государственного университета Александра Александровича Гугнина, выявляются этапы становления методологии от начала научного пути до последних работ XXI века. Анализ проводится на широком ряде научных статей, монографий, предисловий к сборникам немецких писателей, что позволяет не только уловить эволюцию методологии, но и частично «передать» слово ученому, на протяжении всего профессионального пути рефлексирующего над проблемой метода.

Ключевые слова: культурно-исторический метод, историко-контекстуальный метод, контекстуальный анализ, А. А. Гугнин.

Abstract. The article is devoted to the historical-contextual method as a leading one in the works of Alexander Alexandrovich Gugin, Doctor of Philology, Professor of Polotsk State University. The article reveals the stages of formation of the scholar's methodology from the beginning of his research work to the last works of the 21st century. The analysis is conducted on a wide range of academic issues, monographs, prefaces to collections of German writers' works, which allows not only to catch the evolution of methodology, but also partially "pass the word" to the scholar, throughout the entire professional path of reflecting on the problem of method.

Keywords: historical-contextual, cultural-historical method, contextual analysis, A. A. Gugin.

В своих исследованиях Александр Александрович широко применял сравнительно-исторический метод и биографический, но историко-контекстуальный несомненно можно признать ведущим в его литературоведческих трудах. В статье «О неизбежном единстве естественной и гуманитарной науки» (2011) Александр Александрович, охватывая взглядом свои многолетние методологические наблюдения, утверждает: «Сравнительно-исторические и типологические исследования литературного процесса при всей их очевидной важности, на наш взгляд, слишком далеко уводят литературоведение в сферу глобальных обобщений, зачастую лишая эти обобщения конкретно-эмпирической достоверности» [1, с. 14].

Внимание к контексту как таковому в литературоведение пришло с культурно-историческим методом как способом восприятия, анализа и оценки художественного произведения в рамках культурно-исторического аспекта во 2-й половине XIX века. Исходя из принципа историзма и отсюда из того, что всякое литературное явление связано с определенной исторической обстановкой, художественное произведение трактовалось как документ эпохи и как запечатление духа народа в разные этапы его исторической жизни. С позитивистской точки зрения этого было достаточно, чтобы интерпретировать текст, а потому легко позволяло искать систему, строить типологии, выявлять тенденции и т. д.

В России культурно-историческая школа была одной из самых популярных, среди ее представителей в литературоведении Александр Николаевич Пыпин, Семен Афанасьевич Венгеров, Борис Иванович Пуришев, Роман Михайлович Самарин. Последний занимал должность декана филологического факультета МГУ в 1956–1961 годы и был заведующим отделом Института мировой литературы. В МГУ читал курсы «Зарубежная литература средних веков и эпохи Возрождения», «Основные направления современной немецкой литературы», «Современная литература США», «Английские поэты-романтики», «Американская литература», читал, в том числе, студенту из Полоцка Александру Гугнину. Александр Александрович в своих интервью всегда говорил о Самарине как о своем учителе, Самарин же посоветовал своему студенту заниматься научной работой и именно он предложил тему дипломной работы и диссертационного исследования и методологию, в основу которой лег культурно-исторический метод.

Данный метод был широко использован Самариним в его работах: «Теодор Драйзер в борьбе против американского империализма» (1952, в соавт.); «Реализм Шекспира» (1964); «Творчество Дж. Мильтона» (1964); «Концепция мировой литературы Горького» (1965) и др. Это не тонкие контексты, глубокое проникновение в текст, в стилистику автора, это писатель на фоне жизни современного ему общества, широкими мазками, тенденциозно и типологически. Как о человеке, в том числе принимавшем участие в борьбе с космополитизмом, мнения у современников о Самарине совершенно противоположные. Но педагогический талант и знания у Самарина отмечали многие его ученики, не только Александр Гугнин: «Профессор Р. М. Самарин, обладавший феноменальной памятью на лица, запомнил меня с 1962 года, когда я написал свою первую в жизни курсовую работу о Тридцатилетней войне в изображении Ф. Шиллера. Увидев меня через пять лет в коридоре филфака на Моховой, он тут же назвал меня по имени и фамилии и предложил зайти для беседы в ИМЛИ. В результате нашей беседы, тогда потрясшей меня его осведомленностью в средневековых источниках и общей эрудицией, я принял его предложение заняться творчеством Людвиг Уланда, о котором, как мне сейчас кажется, впервые же от него и услышал, хотя ему в этом и не признался. Этот выбор был для меня судьбоносным (хотя в тот момент

я об этом не догадывался), потому что с более сложным автором – учитывая общий низкий уровень моей тогдашней подготовки – я бы просто не справился. Но именно эта, на первый взгляд, совершенно непритязательная тема, позволила мне постепенно углубляться в любые эпохи, от античности до романтизма, последовательно накапливая и осмысляя необъятный эмпирический материал. Чем я и занимался в дипломной работе (1972) и в кандидатской диссертации (1976), постепенно изучая не только романтизм, но и всю немецкую литературу» [2, с. 12]. Так, А. А. Гугнин начинал свою научную работу с культурно-исторической перспективой. Об этом ясно свидетельствуют предисловия к составленным им собраниям сочинений немецких писателей, например, «Новелла ГДР 70-х»: «Здесь же несколько замечаний от составителя, вводящих в общую атмосферу литературы ГДР прошедшего десятилетия» [3, с. 6].

Однако в работах Александра Александровича можно проследить эволюцию методологии практически с 70-х. Так, в кандидатской диссертации, посвященной поэзии Людвиг Уланда (научный руководитель – к. ф. н. А. С. Дмитриев МГУ Ломоносова, 1976), соискатель прямо выражает стремление показать путь поэта как он есть, не сглаживать, не встраивать в проблематику уже признанных классиками немецких поэтов, тем не менее, этих недочетов не удастся избежать в силу того, что есть понимание, что нужно, но нет метода, а есть традиционный для данного типа работ культурно-исторический, который приводит молодого ученого к половинчатому результату.

Культурно-исторический подход лег и в основу учебного пособия «Современная литература ГДР» (Москва, 1987), начиная от отбора материала («крупнейших писателей», «видных представителей», «фундамента литературы», отбора литературных традиций [4, с. 5–6]). При этом автор пособия уже разграничивает исторический, политический и идеологический и философский контексты (в размышлениях о гуманизме, культурной традиции и культурном наследии), но безотносительно к объекту, излагая самые общие причинно-следственные связи.

В это время в западном литературоведении под влиянием школы ментальностей и школы идей, развития исторических методов, Нового историцизма, релятивизма Ханса-Георга Гадамера, индивидуально-коллективной психологии Шарля Блонделя, стремительного развития лингвистики, в частности, постструктурализма, семиологии, лингвистического и филологического анализа текста, литературной критики, все большее внимание получает контекстуальный, или контекстный, анализ, т. е. рассмотрение объекта исследования как продукта влияния релевантных факторов окружающей среды (исторических, языковых и т. д. в зависимости от анализ языкового материала (на разных языковых уровнях) в зависимости от ситуации общения).

В западное литературоведение пришло осознание бесперспективности рассмотрения творчества конкретного автора на широком общем фоне, а также

двойной субъективности (субъективности автора, описывающего свою современность, и субъективности интерпретатора): автор интерпретирует определенным образом реальность в собственной концепции, а интерпретатор создает интерпретацию интерпретации. Условно говоря, мы сталкиваемся с удвоением субъективности. Только образ мышления мыслителя, запечатленный в его исследовательских работах, позволяет судить о значимости тех или иных идей, которые в определенное время существенным образом сказались на становлении его собственной концепции. Позитивизм окончательно сдал свои позиции, пришло и понимание того, что в неразрывной канве жизни все факты взаимосвязаны, взаимообусловлены, однако, исследователь не может учесть все факторы, тем более, что огромная часть субъективных факторов никогда не будет учтена, так как навсегда осталась незафиксированной в прошлом (см. [5, с. 173]).

Исследователь сам определяет значимость тех или иных фактов и способы их систематизации для наиболее эффективного освещения поставленной проблемы. «На карту поставлены ценности, формирующие наши решения о том, какие сходства выделять и как их классифицировать» [6, с. 106.]

Это не значит, что исследователь творит произвол, но совершенно очевидно, что он не извлекает объективную истину из внешнего мира, как это представлялось позитивистам. В культурно-историческом методе нелогичность и противоречивость рассматривались как недостаток. Не принималось во внимание то обстоятельство, что они могут свидетельствовать о настроениях эпохи, выражать ее дух. Известные упрощение, спрямление трактовки литературы Ренессанса, поэзии метафизиков XVII века, более других пострадавшего Средневековья продолжают влиять на исследования и школьные учебники до сих пор. Контекстуальные исследования дают возможность более отчетливо определить и роль конкретно-исторических событий, и имманентную логику автора.

В литературоведческий категориальный аппарат понятие контекста ввел М. М. Бахтин как «внетекстовые связи произведения» [7, с. 364], «диалогизирующий фон его восприятия» [там же, с. 369]. М. М. Бахтин указывал, что «текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом)» [там же, с. 364], разделяя при этом ближний и дальний контексты, равно говоря о диалогичности между текстами как условия понимания и о «влиянии внетекстовой действительности на формирование художественного видения и художественной мысли писателя» [там же, с. 365]. Ю. М. Лотман выявил связь мотива (по Лотману, события) с персонажем, художественным пространством, картиной мира, с «бытовой реальностью» [8, с. 14], показал место события во «вторичном семантическом поле, определяемом типом культуры», объяснил зависимость события от его места в иерархии других событий [там же, с. 14–285].

Актуальность данной методологии сегодня обусловлена и ключевой ролью концепта «менталитет / ментальность» в современном научном мире, которая

связана с возрастающим интересом к проблемам национального и глобального, национальной культуры, национально-специфичного взгляда на мир, национального характера и прочего, более поздним «лингвистическим поворотом» в «истории идей» и современным преодолением его ограничений. Значимость изучения контекста для понимания литературного творчества (с различным пониманием его составляющих и оттого с определенной разбежкой в названиях метода) показали в своих работах такие белорусские литературоведы, как А. А. Гугнин, В. П. Журавлев, В. Колесник, А. Н. Кислицына, Т. Е. Комаровская, Е. А. Леонова, В. П. Рагойша, И. В. Саверченко, Л. Д. Синькова.

В статье «Пауль Хейзе, романтик Бидермайера» к сборнику новелл немецкого писателя XIX века помимо широкого исторического фона вообще (первая Реставрация) Александр Александрович освещает более предметные исторические и литературные контексты, а именно борьбу натуралистов с Паулем Хейзе и ее основания, поиск новой ориентации и переосмысление целей, задач и общественных функций литературы, равновесие между эстетической и публицистической функциями литературы, прагматику художественного произведения, ментальные изменения немецкого общества, бидермайер как определенное мироощущение, характерное для Австрии и Германии после 1815 года. Гугнин говорит о бидермайере как массовом сознании, которое предполагало не покой, уют, пассивность, самоуспокоенность, приглушенность любой эмоции, как писал А. В. Михайлов, а «попытку немцев удержать равновесие в собственной истории и в собственной натуре», сдерживаемый вулкан, прорвавшийся неистовой энергией [9, с. 141]. В статье указывается на духовную атмосферу разочарования и разброда, усиление консервативных настроений, анализируются идеологический контекст и философский контекст («художественное творчество есть возможность преодолеть сиюминутность, это ворота в вечность, превращение прошлого, настоящего и будущего в единовременность, магическое преображение неостановимого и неуловимого бега времени в безвременное торжество духа, в нескончаемый праздник вечности» [там же, с. 135]).

Таким образом, середина 80-х – это время переосмысления культурно-исторического подхода, когда Александр Александрович еще пользуется старой терминологией, но фактически рассуждает уже о новом методе, вместо бинокля берет лупу и приближает ее непосредственно к объекту. В 1985 году, задавая вопрос о гении Жуковского как переводчика, А. А. Гугнин пишет: «На этот вопрос нельзя ответить однозначно, потому что здесь не помогут абстрактные, вневременные суждения – здесь необходим подход конкретно-исторический, учитывающий специфические общественные функции художественного перевода на различных этапах развития литературы и общества, ту или иную трактовку понятия перевод и художественный перевод в сознании читателей данной эпохи». Правда, дальше он снова говорит о том, что нужно видеть переводы Жуковского во всей

диалектике реальных взаимосвязей с общественной и литературной жизнью России первой половины XIX века и соотносит ее со всем ходом историко-литературного процесса. То же самое в предисловии к изданию биографии братьев Гримм в 1989 году: «Г. Скурлу как писателя-биографа отличает глубокое внимание к документам эпохи, стремление воссоздать широкий исторический контекст, вдумчивое и неторопливое изложение систематизированного материала» [10, с. 4]. Что показательно: в одни и те же годы, А. А. Гугнин полагается на широкий исторический контекст и сопровождает сборники достаточно общими, известными фактами Второй мировой и последующей жизни ГДР, когда речь идет о немецких писателях, и применяет историко-контекстуальный метод с первых же публикаций о серболужицких поэтах и писателях, которым, как мы знаем, были отданы не только научные интересы, но и сердце ученого.

Несомненно, эта избирательность была обусловлена объектом исследования, говорить о котором получалось только специфически в связи с уникальным статусом серболужицкой литературы. Но, кроме этого, очевидно, что в результате методологического поиска назрела необходимость такого объекта и что это был вопрос времени. Так, например, в сборнике материалов «Немецкая литература XIX века: от романтизма до бидермайера. Статьи, переводы, комментарии, библиография» в разделе «От автора» Александр Александрович ретроспективно описывает этот период своей научной деятельности и, в том числе, рассказывает об огромном количестве немецких писателей и литературоведов, с которыми ему довелось общаться на профессиональные темы и что это было (ожидаемо) необыкновенно плодотворно во всех отношениях, «но главная прибыль была в другом. После столь живого общения с живыми писателями я – при обращении к временам прошедшим – не мог написать ни строчки до тех пор, пока передо мной не оживала эпоха и сам писатель, вписанный в свое происхождение, в духовный климат и местность, его породившую, зависящий от доминанты своего характера, от целевых установок, которые он сам себе придумал или же доверчиво воспринял от своего окружения» [11, с. 5–6].

Еще один шаг к «своему» методу – международная конференция по изучению литературы ГДР в Риме в 1987 году – к мыслям о субъективности всякого гуманитарного знания прибавились «мысли о способах если не полного снятия, то хотя бы сглаживания этой субъективности: внимание к оппонентам, к чужим идеям и мнениям, особенно если они на первый взгляд кажутся чуждыми и неприемлемыми. Может быть, таким образом я пытался изжить неизбежные комплексы одностороннего советского образования и воспитания» [там же, с. 7].

Знакомство с серболужичанами, их культурой и литературой, неотделимых друг от друга, предложило достойный объект исследования для той методологии, которая уже рождалась в голове ученого. И в предисловии к сборнику новелл

и рассказов Иоахима Новотного уже отчетливо определяется историко-контекстуальный метод как ведущий: «Сюжеты его произведений локализируются в строго очерченном географическом пространстве, и в особом социально-психологическом климате» [12, с. 6]. Работу над прозой Иоахима Новотного и других серболужицких писателей Александр Александрович позже обобщает в следующем наблюдении: «Историко-контекстуальный метод изучения литературы возник не спонтанно, но явился результатом многолетних поисков и попыток найти такие способы изучения отдельного художественного произведения, творчества отдельного писателя, и, наконец, понимания истории отдельной национальной литературы, которые бы в наиболее возможной для меня степени соответствовали критерию Истины. Первым шагом на этом пути стало сомнение в истинности весьма распространенной поговорки «исключение подтверждает правило», вместо которой я ввел для себя другую «исключение упраздняет правило» [13, с. 13].

Историко-контекстуальный метод прекрасно лег в рамки общего научного мышления ученого. Суть метода ученый представлял как задачу «не только в текст углубляться, но и все время смотреть вокруг». А алгоритм строил следующим образом: анализировать сначала текст, затем текст рассматривать в контексте жизни и творчества писателя, затем – синхронно в контексте национальной литературы (как он соотносится с эпохой), далее – диахронно в контексте всей национальной литературы и, наконец, в контексте литературы европейской. Наиболее высокий уровень историко-контекстуального анализа – увидеть текст как «аккумулятор и конденсатор мировой культуры. Но этот уровень практически недостижим и, скорее, является идеалом, к которому нужно стремиться» [14].

В последующих работах А. А. Гугнин предлагает «принципиальные позиции историко-контекстуального метода (или, как ученый также называет его – регионального метода)». В 1998 году А. А. Гугнин в докладе «Основные этапы развития серболужицкой литературы в славяно-германском контексте», говорит о нерасторжимых связях филологического и культурологического аспектов истории литературы, но с другой стороны решительно отвергает «некую всеобщую, универсальную методологию» [15, с. 7]. Александр Александрович видит преимущество историко-контекстуального метода в незамутненности взора исследователя, призывает не подводить под универсалии, учитывать почву, на которой взрощено произведение. Кроме того, он отдельно оговаривает бесперспективность априорного конструирования контекста, или, говоря его словами, «духа народа». Наоборот, необходимо внимательно и непредвзято вычленить из движущегося и постоянно изменяющегося историко-культурного контекста релевантные для объекта исследования факторы. «Историко-контекстуальный подход позволяет увидеть, что на протяжении обозримой истории национальный контекст многократно «загрязняется» и «очищается», что зачастую случалось в истории серболужицкого

этнoса и литературы и обнаруживало несостоятельность односторонних культурoлогических прогнозов» [там же, с. 11]. Отсутствие определенных значимых контекстов сглаживают литературную картину, «она становится безжизненной, схематичной и искусственной» [там же]. Среди достаточно широкого спектра возможных контекстов А. А. Гугнин чаще всего анализирует исторический, природно-космический, национальный, региональный, культурный контексты. Судя по названию самого метода, первый представляется ученому базовым. Однако выводы, сделанные на основе анализа влияния культурного контекста, могли бы быть интересны вне объектных ограничений: «Культурный контекст в отсутствии государственности позволили серболужицанам создать уникальную литературу» [там же, с. 16].

Научный доклад на соискание докторской степени начинается с методологического утверждения: «Всякая национальная литература создается и развивается в обширном историко-культурном контексте – природно-космическом, национальном, региональном и мировом. Все эти контексты, постоянно изменяясь и взаимодействуя, так или иначе сохраняют свое присутствие на протяжении всей обозримой истории, определяя изменчивость форм конкретной общественной реальности и многоярусно пронизывающей ее человеческой культуры. Литература, по сути представляющая собой определенную историческую стадию развития языка (устного и письменного) и немислимая вне предоставленных языком способов коммуникации, являет собой сложнейший многофункциональный общественный механизм, в котором изначально господствует коммуникативная функция – какие бы оттенки эта функция на протяжении доступной наблюдению истории ни принимала.

Историко-контекстуальный метод был положен в основу методологии докторской диссертации, монографий о серболужицкой литературе, наиболее зрелой из которых с точки зрения осмысления метода является «Серболужицкая литература XX века в славянско-германском контексте» (2000), многочисленные статьи и доклады [16; 17; 2; 9]. Их совокупность явилась убедительным доказательством, что метод работает, дает адекватные результаты. После защиты докторской методологические формулировки становятся более развернутыми и междисциплинарными. В монографии «Серболужицкая литература XX века» (2001) Александр Александрович уже совершенно в другой терминологии формулирует задачу литературоведа – «данными ему средствами (лексическими и образными) "реконструировать" историко-литературный процесс. Писатель "синтезирует" две реальности: реальность объективного мира и реальность собственного восприятия этого объективного мира» [18, с. 3]. Видно, что контекстуальный метод воспринят уже не только через практическую работу с текстом и практические нужды литературоведа интерпретировать текст, но и через философскую мысль XX века, релятивизм, субъективизм, индивидуализм, ставшие основанием западноевропейской литературы и литературоведения: «Литературовед тоже никак не может

устраниться от собственной личности (субъективности) – иначе откуда-бы взяться постоянно возникающим различиям в оценках отдельных произведений, писателей и т. д.» [там же]. В XXI веке неустранимость временной и языковой дистанции прекрасно осознается исследователями, и, по справедливому замечанию А. А. Гугнина, именно знание своей неизбежной субъективности дает литературоведу XXI века «хотя бы одно бесспорное преимущество» [там же, с. 4]. Глядя сквозь призму современного опыта, литературоведы лишь пытаются преодолеть культурные, религиозные, психологические напластования последующих эпох и разглядеть то, чем в действительности является средневековый, ренессансный, викторианский мир, немцы, шведы или англичане интересующей нас эпохи и каковы интенции, которые они вкладывали в произведения литературы. Однако наш менталитет и особенности культурной памяти ограничивают возможность снять более поздние интерпретации и проявить идеи, владевшие умами ушедших эпох, и эти цели скорее остаются идеальными. Таким образом, «литературовед имеет дело, по крайней мере, с тремя реальностями: исторической реальностью объективного мира, субъективной реальностью художественного мира писателя и собственной субъективностью. Даже если литературовед попытается создать имманентную историю литературы (имеется в виду объективную, не проникнутую идеологиями и т. д. – Н.З.), основанную лишь на принципе интерпретации последовательно расположенных текстов, то его субъективность (личность) все равно обнаруживается: а) в отборе текстов; б) в отборе авторов; с) в содержательных и оценочных моментах» [там же, с. 9].

Еще один наиважнейший момент избранной методологии – это выход размышлений об историко-контекстуальном методе на глобальные проблемы, на оценку потребности современного человеческого сообщества в «исторической объективности» и ее потенциал в литературоведении и далее – к идее многовариантности художественного произведения в его зависимости от контекста, постоянного изменения и взаимодействия контекстов, следующей из них многоярусности культуры и многофункциональности литературы как общественного механизма, к размышлениям о господстве коммуникативной функции (сегодня это бы скорее назвали прагматической).

«Разумеется, – говорил Александр Александрович, оглядываясь на пройденный путь, – никакой метод – даже если он выстрадан всем опытом жизни и непрерывным трудом – не может претендовать на окончательность; если же такое случается, то метод «закостеневает», превращается в догматическую систему» [13, с. 118]. Его наиболее поздние размышления над историко-контекстуальным методом касаются, главным образом, перспективы развития метода в тесной связи с современными тенденциями не только литературоведения, но гуманитарной мысли в целом, сочетания историко-контекстуального метода с другими методами литературоведения.

Во-первых, речь идет о внимании к тексту, который никогда не должен уходить на второй план (одно из отличий историко-контекстуального метода от культурно-исторического) и, следовательно, о сочетании историко-контекстуального метода с лингвистическим анализом текста (М. Д. Путрова «Феномен лингвистического анализа литературного произведения», А. А. Гугнин «Историко-контекстуальный метод как опыт универсального подхода к изучению художественного текста»).

Во-вторых, это обоснование направления исследования от историко-контекстуального к компаративному методу, а не наоборот. «История немецкой литературы может быть на самом деле адекватно изображена как сложная метасистема, внутри которой самостоятельно пульсируют многочисленные подсистемы, определяемые своими собственными локальными, региональными и национальными контекстами. <...> Чтобы выразиться еще яснее: центр тяжести на современном этапе должен переместиться от исследования взаимосвязей – к исследованию подвижной динамики регионального контекста; лишь потом, изучив множество региональных контекстов (и постепенно расширяя само понятие регион – поскольку каждый регион – будучи сам частью более обширного региона – может включать в себя и более мелкие регионы, которые сами по себе могут включаться еще и в другой региональный контекст), можно будет заново осмыслить и проблематику литературных взаимосвязей. Сколько всего позабытого и еще не освоенного (якобы за ненадобностью – да оно и действительно казалось ненужным при написании историй национальных литератур в национально-историческом контексте) нам придется при этом вспомнить или заново разыскать! И какие новые связи и закономерности нам при этом откроются! Но нетрудно предположить, что после этой, на практике гигантской, работы и истории национальных литератур станут точнее и вывереннее» [19, с. 8].

Таким образом, в эволюции научного метода профессора Гугнина можно выявить несколько достаточно отчетливых периодов:

1. Культурно-исторический метод (1970-е).
2. Переломный период от защиты кандидатской 1976 до защиты докторской 1998, годы работы в журнале «Иностранная литература» и издательстве «Прогресс».
3. Применение историко-контекстуального метода в исследованиях сербско-лужицкой литературы и формирование научной школы «Историко-контекстуальный метод в изучении мировой литературы» в Полоцком государственном университете.
4. Применение историко-контекстуального метода к другим объектам. Здесь хотелось бы подчеркнуть вклад в разработку методологии учениками и продолжателями научной школы профессора: Татьяны Михайловны Гордеёнок, Дениса

Александровича Кондакова, Андрея Александровича Марданова, Натальи Васильевны Нестер, Зои Ивановны Третьяк.

5. Разработка и уточнение историко-контекстуального метода в ряде направлений, наиболее подробно касательно сочетания историко-контекстуального метода и компаративного анализа и интеграции гуманитарных наук, в частности, лингвистики и литературоведения.

В заключение я хочу выразить слова благодарности Александру Александровичу за его советы, связанные с методологией исследования, которым я последовала при написании кандидатской диссертации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гугнин, А. А. О неизбежном единстве естественной и гуманитарной науки / А. А. Гугнин // Контексты мировой литературы: сборник научных статей: к 70-летию профессора А. А. Гугнина / Полоцкий государственный университет ; редкол.: Д. А. Кондаков (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк, 2011. – С. 9–13.
2. Гугнин, А. А. «Магическое» литературоведение А. В. Михайлова и некоторые идеи В. И. Вернадского: попытка приближения к проблеме в контексте науки и культуры // Романо-германская филология в контексте науки и культуры: Международный сборник научных статей. – Новополоцк: ПГУ, 2013. – С. 3–18.
3. Гугнин, А. А. От составителя / А. А. Гугнин // Новелла ГДР 1970-х. – М.: Прогресс, 1980. – С. 5–13.
4. Гугнин, А. А. Современная литература ГДР / А. А. Гугнин. – М.: Высшая школа, 1987. – 111 с.
5. Рикер, П. Память. История. Забвение. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
6. Лакс, Дж. О плюрализме человеческой природы / Дж. Лакс // Вопросы философии, 1992. – № 10. – С. 103–111.
7. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
8. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – СПб.: Искусство–СПб, 1998. – С. 14–285.
9. Гугнин, А. А. Немецкая литература XIX века. От романтизма до бидермейера. Статьи, переводы, комментарии, библиография. – Новополоцк–Москва: Научный центр славяно-германских исследований, 2002. – 238 с.
10. Скурла, Г. Братья Гримм: очерк жизни и творчества / Г. Скурла ; предисл. А. А. Гугнина. – М.: Радуга, 1989. – 302 с.
11. Гугнин, А. А. От автора / А. А. Гугнин // Немецкая литература XIX века: от романтизма до бидермайера: статьи, переводы, комментарии, библиография / гл.ред и сост. А. А. Гугнин. – Выпуск первый. – Новополоцк; Москва: Научный центр славяно-германских исследований ИС РАН, 2002. – С. 3–5.

12. Гугнин, А. А. Предисловие / А. А. Гугнин // Новотный, И. Избранная проза: повести и рассказы / И. Новотный. – М.: Художественная литература, 1988. – С. 3–6.
13. Гугнин, А. А. Научная школа «Историко-контекстуальный метод в изучении мировой литературы» / А. А. Гугнин // Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. – 2018. – № 2. – С. 117–119.
14. Филипенко, В. А. А. Гугнин: В науке нет конца! Всегда остается вопрос: «А что дальше?»: интервью / В. Филипенко, А. А. Гугнин. – 1 марта 2018. – Режим доступа: <https://www.psu.by/ru/novosti/sobytiya/a-a-gugnin-v-nauke-net-kontsa-vsegda-ostaetsya-vopros-a-cto-dalshe>.
15. Гугнин, А. А. Основные этапы развития серболужицкой литературы в славяно-германском контексте: научный доклад на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.05 – литература народов Европы, Америки и Австралии / А. А. Гугнин; Москва: Институт славяноведения РАН, 1998. – 77 с.
16. Гугнин, А. А. Историко-контекстуальный подход к изучению национальной литературы (на примере истории серболужицкой литературы) / А. А. Гугнин // Белорусско-русско-польское сопоставительное языкознание и литературоведение: тезисы Пятой международной научной конференции, 25–27 мая 2000 г. – Новополоцк, 2000. – С. 3–5.
17. Гугнин, А. А. Историко-контекстуальный подход к изучению национальной литературы: тезисы и пояснения / А. А. Гугнин // Контексты мировой литературы: сборник научных статей. – Новополоцк: Полоцкий государственный университет, 2011. – С. 14–22.
18. Гугнин, А. А. Серболужицкая литература XX века в славянско-германском контексте / А. А. Гугнин. – М.: Индрик, 2001. – 180 с.
19. Гугнин, А. А. Литература XX века в славянско-германском контексте / А. А. Гугнин. – М.: Институт славяноведения РАН, 2001. – 180 с.